

ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

О.А. Скидченко

В системе приоритетов и ценностей культуры особое место занимает язык. Проблема соотношения языка и культуры тесно связана с проблемой отражательного характера языка. Социальные, политические и культурные особенности мира, в котором живут носители того или иного языка, являются основой формирования идеосемантического компонента языковой картины мира. Язык не навязывает человеку заранее заданное то или иное восприятие действительности. Напротив, действительность неодинаково отражается в различных языках в силу нетождественности условий материальной и общественной жизни людей. Именно человеческим фактором объясняется не только выбор наименований для того или иного предмета или явления мира, но и способ его описания [1, 20].

Антропоцентризм в научных исследованиях предполагает более тесную связь лингвистики с другими науками и обуславливает выход лингвистики в лингвокультурологию, которая стремится объяснить взаимосвязь языка и культуры. Отчасти интерес к изучению такого взаимовлияния объясняется глобализацией мировых проблем, необходимостью учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении разнообразных вопросов, потребностью заранее знать те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания [2, 3].

Обобщенным образом носителя культурно-языковых ценностей и знаний является языковая личность. Овладение же иноязычной картиной мира на принципах «диалога культур» ставит задачу формирования вторичной языковой личности, что предполагает способность понимать иную ментальность и способ осмысления информации. Построение когнитивной системы вторичной культурно-языковой личности максимально открытой к межкультурному взаимодействию [3], требует наличия знания о культурно-прагматических аспектах коммуникации, их влияния на процесс перевода, а также возможных барьерах в межкультурной коммуникации.

“Listen, my name is Marvin Geller, and I’m a dentist in the Brooks Building on Fifth Avenue, eighth floor.” (J. Street “The painless method”)

- «Послушай, я Марвин Геллер, дантист, у меня приемная в Брукс Билдинг на Пятой Авеню, восьмой этаж».

Данный пример является яркой иллюстрацией вышесказанного. Восприятие текста будет неполным, если читающий переведенный текст не знает, что Пятая Авеню – это улица в районе Манхэттена в Нью-Йорке, которая известна своими дорогими магазинами, среди которых ювелирные магазины Картье и Тиффани, шикарные отели и лучшие музеи. Таким образом, от читающего перевод ускользает такая явная для носителя исходной культуры ссылка на социальный статус героя, коннотативные аспекты значения. При сохраненном тексте исчезает контекст.

Язык как самое совершенное орудие мысли, как память народа и его история, вбирающая в себя века и тысячелетия, выражает познавательный опыт народа, его нравственные и этические идеалы, своеобразие его исторического движения по пути прогресса и его характер [4, 4]. Развиваясь в рамках уникальной культуры, язык не может быть рассмотрен в отрыве от нее. Национально-культурные особенности каждого отдельно взятого народа, выраженные в его языке, не всегда понятны носителям другого языка и другой культуры. Прагматически и культурологически релевантными в данном случае являются фоновые знания, которые непосредственно связаны с историей, бытом, спецификой общественного устройства народа-носителя языка. О.С. Ахманова подчеркивает, что фоновые знания – «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим» - являются основой языкового общения [5, 498]. Именно эта информация, как правило, носит имплицитный характер. Хотя она и не получила достаточного освещения в словарях, тем не менее живет в языковом сознании людей, говорящих на этом языке, будучи частью их коллективных знаний. Этот язык и является накопителем и хранителем культурных ценностей. Такая кумулятивная функция языка [6, 7] представлена на разных уровнях языковой структуры, в способах описания внешней по отношению к языку действительности, в правилах вербальной коммуникации. Но наиболее ярко социально-культурная детерминированность проявляется на уровне лексики, так как именно лексическая система языка в большей мере обусловлена социальными факторами.

Слово, отражая предмет или явление действительности, не только обозначает его. В семантической структуре многих лексических единиц имеет место и некоторое экстралингвистическое содержание, которое непосредственно отражает национальную культуру народа, который говорит на этом языке. Эта часть значения является национально-культурным компонентом значения слова, которая непосредственно восходит к этой культуре. В разное время переводческая наука обращалась к теме особенностей языка, которые прямо или косвенно обусловлены культурой его носителей. Несомненно и то, что перевод именно таких лексических единиц представляет большую трудность.

Как известно, одной из главных проблем, связанных с передачей референциальных значений, выраженных в исходном языке, является несовпадение круга значений исходного языка и языка перевода. Кроме случаев полного совпадения лексических единиц во всем объеме их референциального значения (что встречается относительно редко) и частичного соответствия, имеют место случаи полного отсутствия совпадений. Речь идет о так называемых безэквивалентных единицах, т.е. единицах исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода. Референты данных лексических единиц являются уникальными, присущими

лишь отдельно взятой культуре. Слова, служащие для выражения реалий, не имеют прямых эквивалентов за пределами той лексической системы, к которой они принадлежат.

К безэквивалентной лексике, прямо или косвенно обусловленной культурой, относятся:

– имена собственные, географические наименования, названия всевозможных заведений и учреждений, журналов, газет, не имеющих постоянных соответствий в языке перевода:

«*The real villains are the new created an alternative female culture. They believe "that getting membership of the MMC or the Garrick Club" is a feminist triumph...*» [The Week 6 March 1999] (*Garrick Club* – «Гаррик» - лондонский клуб актеров, писателей и журналистов, названный в честь знаменитого актера Д.Гаррика).

«*I remember well my headmaster at Chatham House...*» [The Week 28 Nov 1998] (*Chatem house* – Чатем - Хаус – здание в центральной части Лондона, в которой находится Королевский институт международных отношений).

«*Tesco, the supermarket giant, announced a £ 1.1 international expansion drive as it unveiled a strong set of half-year results.*» [The Week 25 Sept 1999] (*Tesco* – Теско – название фирменных продовольственных магазинов самообслуживания и универсамов одноименной компании).

Данные единицы не имеют эквивалентов в русском языке. Тем не менее, многие из таких наименований приобретают постоянные соответствия в словаре другого языка, а их употребление не нарушает узуса. Не последнюю роль в этом играют средства массовой информации. Так, уже давно получили узуальные эквиваленты имена многих государственных деятелей и выдающихся людей разных эпох, некоторые названия официальных резиденций, географические названия, названия крупнейших мировых информационных изданий.

«*Once described as a "comprehensive in the same way as 10 Downing Street is a terraces house in an inner city", the school is vastly oversubscribed*» [The Week 2 Oct 1999].

«*Peter Stothard, editor of the Times, said his paper was doing nothing new.*» [The Week 14 Feb 1998].

При переводе данных предложений на русский язык вряд ли вызовут непонимание название официальной резиденции премьер-министра Великобритании Даунинг Стрит, 10 и название газеты «Таймс». Точно также не нарушает нормы и название русской реки в английском тексте.

«*... the preponderance of eastern European singers in the cast put one in mind more of "the banks of the Volga rather than the Nile"*» (The Week 22 May 1999)

– языковые реалии, т.е. те языковые единицы, которые обозначают явления, предметы и понятия, характерные для истории, культуры, жизненного уклада и не встречающиеся в культуре другого народа. Сюда относятся слова, обозначающие уникальные для той или иной страны общественные и политические явления, слова-наименования традиционного быта, названия обычаев, традиций и праздников, единицы измерения и денежные единицы и т.д.

«*Stationed in nearly every apartment building of the Soviet Union is a uniquely communist character known as the upravidom*» (J. Barron "KGB. The Secret work of Soviet secret Agents")

«*We had the collect on the Sunday, and that week sure enough my mother would make the Christmas puddings.*» (A. Christie "the adventure of the Christmas Pudding")

«*Robert Godberg, a senior research fellow at Brandeis University, has noticed the curious phenomenon that two people meeting for a business deal on a Friday will each put on a suit as a token of respect, even if it's dress down day in their respective offices.*» (Newsweek, Feb20, 1995)

Не вызывает сомнений тот факт, что наличие подобных безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано средствами другого языка. П.В. Чесноков отмечает, что «выразительные возможности системы любого языка весьма ограничены, но это не является препятствием для познавательной деятельности людей, потому что познание... осуществляется не на базе закрепленной системы языка. А на базе бесконечно многообразной, гибкой и подвижной речи, использующей средства языковой системы и обладающей безграничными возможностями комбинирования ее единиц». [цит. по 7, 101]. Несомненно, в каждом отдельном случае переводчику приходится восполнять определенные «пробелы» в знаниях, которые не существуют в культуре исходного языка. Трудность состоит именно в отсутствии этих знаний у людей, читающих перевод.

Существуют различные приемы - лексические переводческие трансформации, используя которые переводчик старается преодолеть эти трудности. Отсутствие в языке перевода регулярных соответствий безэквивалентных единиц побуждает переводчика создавать так называемые окказиональные переводческие эквиваленты [8,103]. К таким окказиональным эквивалентам относятся единицы, созданные путем воспроизведения звучания оригинала – транскрипции или единицы, созданные путем передачи графической формы - транслитерации. Чаще всего этот прием используется при переводе имен собственных, географических названий, названий средств массовой информации.

«*His (Khrushchev's) altruism and dedication inspired a laudatory article in the October 30, 1964, issue of Komsomolskaya Pravda, which also portrayed him as the model of all a communist should be.*» (J. Barron "KGB. The Secret work of Soviet secret Agents")

«*But they (local and regional TV stations) have now been made subsidiaries of a vast conglomerate called All Russian TV & Radio, which also controls the national station, Radio Rossiya, three national TV channels and the TV company Westiy.*» (The Week 11 Sept 1999)

Тем не менее, в общественно-политической, а иногда и в художественной литературе, описывающей жизнь другой страны с иной культурой, этот прием используется для передачи национальной специфики понятий.

«With the demise of the zampolit this duty devolved upon the commanding officer, but Ramius doubted that regulations anticipated the sort of discussion on today's agenda.» (T. Clancy "The Hunt for Red October")

«...Stalin had lost his Georgian appetite and had only rarely ordered his favorite kharcho, chakapuli or highly spiced satsivi.» (O. Sela "The Kremlin Control")

Введение в текст подобных единиц, как правило, требует пояснений, хотя контекст обычно раскрывает сущность понятия. Чаще всего такие безэквивалентные слова даются с последующим пояснением. Разъяснив однажды значение данной единицы, переводчик в дальнейшем может уже использовать транскрипцию или транслитерацию, смысл которой уже ясен.

«The strength of his enlisted crew, unlike that of Western crews, resided much more in his eleven michmanyu (warrant officers) than in his glavnyy starshini (senior petty officers).» (T. Clancy "The Hunt for Red October")

Во многих случаях созданные таким способом окказиональные соответствия могут закрепиться в языке перевода и регулярно в нем использоваться.

«But as the vodka flowed, so did a drumbeat of assertions from his companion about how Russia would become a great power again.» (The Newsweek, Feb 20, 1995)

Прием калькирования особых пояснений не требует. Он заключается в воспроизведении морфемного состава слова или составных частей устойчивого словосочетания. Передача безэквивалентной лексики с помощью этого приема не всегда является удачной, поскольку без соответствующих пояснений значение слова или словосочетания остается нераскрытым. (Все нижеприведенные примеры параллельных переводов автор статьи позаимствовал в рубрике Linguist's Corner газеты Moscow news разных лет.)

«В кабинете у "красного директора" театра шло SOS-ное заседание.» (Е. Замятин «Лев»)

«The theatre's "Red manager" was having an emergency conference.»

«А у деды Проня имелся также телефон. Деда Проня набрал номер под названием "Бюро добрых услуг"». (Е. Попов «Котелок походный прохудился»).

«But Grandpa Pronya has also possessed a telephone. He dialed a number that was under the heading "Good Services Bureau"».

Читателю, не знакомому с бывшими советскими реалиями, данные кальки с русского языка почти ничего не скажут.

Иногда в художественной литературе встречаются и переведенные с помощью данной лексической трансформации имена собственные. Такие «окказиональные кальки» используются лишь для достижения определенного прагматического эффекта.

«He стану описывать продолжительную и многоходовую склоку, в результате которой заграничная командировка выпала мне и завсектором Пятилеткину...» (В. Пьецух «Как я ездил за границу»).

«I won't waste time describing here protracted and complicated intrigue that it took to ensure that one of the people sent abroad on business was myself, the other being our section head Fiveyearplansky...».

У представителей русского языкового коллектива фамилия *Пятилеткин* как производная от существительного *пятилетка* – фетиши советского планового ведения хозяйства связана с особыми ассоциациями. Англоязычному же читателю была хорошо известна калька *five-year plan*. Поэтому передача имени собственного с помощью транслитерации в этом случае была бы неудачной, так как при переводе исчезли бы связанные с ним ассоциации.

В случае невозможности создать соответствие для перевода безэквивалентных единиц, а иногда даже наряду с транскрибированным соответствием, может использоваться описательный (разъяснительный) перевод – прием, заключающийся в разъяснении значения лексических единиц при помощи развернутых словосочетаний, определений на языке перевода.

«... предмет известил о себе уже не столько видом, но и звуком высоко тональности, – местный гармонист утверждал позже, что это была мелодия популярной песни «Валенки»». (В. Курпиров «Лопата»).

«... the object had announced its presence not only to the eyes but also to the ears by high-pitched sound; the local accordionist maintained later that it was the melody of a popular song, Felt Boots».

Передача значения безэквивалентной единицы при помощи развернутого словосочетания, хотя и раскрывает существенные признаки слова, но не экономит языковые средства.

В некоторых случаях безэквивалентной единице можно подыскать приблизительный эквивалент в языке перевода – своеобразное соответствие-аналог. Близость оригинального и переведенного слова не является полной. Так как аналоги не вполне соответствуют по значению исходным единицам, но они способны заменить их в определенном контексте. Тем не менее, использование аналогов может некоторым образом исказить обозначаемое явление.

«... he ended by forgiving me cordially and inviting me down to the drug store to wash away all animosity in a friendly bumper of Fahnestock's Vermifuge. It was his little joke.» (M. Twain "My First Literary Venture")

«Но, в конце концов, просил меня от всего сердца и пригласил в аптеку смыть вражду дружеским бокалом глистогонного. Это он так пошутил.»

Так, в русском переводе слово «аптека» не дает полного представления об американских «аптеках», где помимо лекарств можно купить газету или журнал, заказать кофе и закуски.

Как уже было отмечено, речевая деятельность совершается на фоне культуры, к которой принадлежат участники общения. Поскольку семиологические установки говорящего человека «зависят от типа культуры, носителем которой личность является» [9, 239], важным является культурная принадлежность воспринимающей стороны, так как понимание во многом обусловлено экстралингвистическими знаниями. Степень понимания тех или иных знаков или сообщений зависит не только от лингвистического, но и от

экстралингвистического опыта. Субъективное отношение языкового коллектива к тем или иным знакам, а через них к определенным предметам и понятиям, приводит к тому, что понятное и естественное для членов этого коллектива становится малопонятным для членов другого. Поэтому учет прагматического аспекта составляет одну из важных задач перевода. Как результат, в переводческой практике используются различные приемы прагматической адаптации исходного текста.

Понимание названий всевозможных реалий, связанных с иной культурой, могут обеспечить дополнения, роль которых заключается в обеспечении максимально полного понимания. Это своего рода заполнение предполагающейся лакуны в знаниях.

«To publish humour in a literary form is indeed to do mankind a disservice; for it breeds in them neglect for the raw humour of life, and they keep their laughter for Punch as they keep their piety for church». (P. Fleming)

«Публиковать юмор в литературной форме значит вредить человечеству, ибо тогда в людях воспитывается пренебрежение к сочному юмору жизни, и они прибегают к смеху для журнала «Панч», сродни тому, как набожность прибегается для церкви».

Тот факт, что «Панч» - название еженедельного британского журнала, известного своими остроумными статьями и карикатурами, скорее всего незнакомо русскоязычному читателю, побуждает переводчика ввести в текст слово «журнал». Таким образом, фоновая информация, понятная читателям оригинала, становится доступной читателям перевода, так как она уже в эксплицитной форме выражена в тексте перевода.

Противоположным приемом, учитывающим прагматический фактор, является опущение некоторых слов при переводе. Чаще всего это несущественная информация, которая хотя и утрачивается при переводе, особого влияния на конечный результат не оказывает.

«I spoke of Dunkirk, the banana shortage, barrage balloons, Woolton pie and Anderson shelters». (J. Boothroyd)

«Я говорил о Дюнкерке, нехватке бананов, аэростамах заграждения, Вултонском пироге, бомбоубежищах».

До читающего текст в переводе в данном случае не донесена информация о типе убежища времен Второй мировой войны (семейное бомбоубежище - подобие арки из гофрированного металла, частично скрытой под землей), названной по имени занимавшего пост министра иностранных дел Джона Андерсона. Хотя это опущение и ведет к некоторой потере информации, последняя не является существенной.

При переводе художественной литературы часто прибегают к приему замены. В данном случае происходит своеобразная компенсация информации, не выраженной в тексте, но хорошо известной носителю языка.

«An Authentic blazer shows for a moment in the noisome portals of an opium den». (P. Fleming)

«Пиджак оксфордского крикетного клуба вдруг мелькнет в источающих зловоние дверях притона наркоманов».

Англичанину хорошо известно, что «Отентикс» - название крикетного клуба Оксфордского университета. Но эта экстралингвистическая информация, являющаяся имплицитной в тексте оригинала, непонятна представителю другой культуры.

«I hate travelling on Boxing Day, but one must occasionally do things that one dislikes». (H. Munro)

«Терпеть не могу куда-то ехать на следующий день после Рождества, но иногда приходится делать неприятные вещи».

В приведенном примере важной является фоновая информация – 26 декабря, второй день Рождества в Великобритании является выходным днем, когда принято дарить подарки. Без данной замены смысл целой фразы был бы непонятен, а важная информация утеряна.

Производя подобные замены, необходимо помнить, что, так или иначе, неизбежны потери сем, характеризующих национальную специфику культуры-отправителя, а иногда и искажение замысла автора.

Имеет смысл упомянуть и об особом типе замены. Речь идет о замене реалии исходной культуры на реалию культуры реципиента.

«Под лапами зашипел песок... Хэпи, словно мокрый Петрушка, с визгом вылетает на пляж...» (Саша Черный «Купальщики»)

- «Sand hissing under his paws at last... Like a drenched Punch, Happy sprints on to the beach with a yelp...»

Хотя русский кукольный герой Петрушка и сродни своим оптимизмом английскому герою, вряд ли можно поставить знак равенства между курносый длинноволосый Петрушкой и горбуном с крючковатым носом. Введением в текст специфического элемента культуры реципиента, с одной стороны, утрачивается национальная специфика исходного текста, с другой же стороны, появляются элементы, свойственные другой культуре. У русскоязычного человека с Петрушкой связаны особые ассоциации. Тем не менее, в переводе такая замена представляется оправданной. С целью добиться желаемого прагматического отношения к тексту перевода, переводчик и произвел прагматическую адаптацию. Хотя эти ассоциации некоторым образом искажены при переводе на английский язык, тем не менее, переводчику удалось добиться желаемого прагматического результата.

Частным случаем лексической замены в тексте перевода является генерализация – замена лексической единицы с конкретным значением на слово с более общим значением.

«Вы парочку птиц мне дайте, я вперед побегу и для вас кулеш состряпаю». (А. Куприн «Вальдшнепы»)

«If you just give me a couple of birds, I'll run ahead and make some soup for you»

Английскому читателю неизвестно, что представляет собой кулеш. Поэтому вместо названия конкретного блюда переводчик употребил более понятное для человека другой культуры слово с общим значением.

Таким образом, трудность передачи в тексте лексических единиц, специфических для другой культуры очевидна. Рассматривая перевод как акт межъязыковой, а, следовательно, и межкультурной коммуникации,

переводчик неизбежно сталкивается с национально-специфическими различиями в языковой картине мира, которые и ведут к межкультурному непониманию. Передача безэквивалентной лексики средствами другого языка представляет большой практический и теоретический интерес. С ним связан целый комплекс проблем, которые необходимо решать переводчику. Аутентичность переводного текста и оригинала зачастую заключает в себе несоответствие культурного контекста, который определяет восприятие этого текста человеком иной культуры. Для переводчика это почти всегда означает два взаимоисключающих требования: сделать текст максимально близким к оригиналу и добиться восприятия перевода человеком иной культуры максимально близким восприятию оригинала человеком исходной культуры. Доказанная практикой идея переводимости, почти всегда сталкивается с потерями экспрессивно - эмоционального плана, ей также сопутствуют и неизбежные культурные потери. Но у переводчика всегда есть возможность выбора. Высокий профессионализм и экстралингвистическая компетентность должны максимально снизить количество и качество культурных потерь, обеспечить смысловую и функциональную близость текста оригинала и текста перевода.

SUMMARY

The article deals with problems of interrelationship between culture and language, the problem of influence of cultural context on translation process being among them. The article demonstrates social and cultural determination of language vocabulary and considers the methods of translating culture-specific words.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фесенко И.М. Отражение картины мира общенародным языком и языком географии. – Д.к.п.н.- Киев, 1993.
2. Карасик В.И. О категориях лингвикокультурологии//Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2001.
3. Астафурова Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): Автореферат дис. д. пед. наук. – Москва, 1997.
4. Тарланов З.К. Язык и культура. – Петрозаводск. – 1984.
5. Словарь лингвистических терминов. / Сост. Ахманова О.С. – М., 1969.
6. Верещагин Е.М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1983.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты. – М., 1988.
8. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.
9. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М., 1988.